

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Византия и Русь

Перед тем как перейти к изменениям в понимании исторического знания, произошедшим с приходом Нового Времени, мне бы хотелось вернуть вас снова в Средние Века, но теперь направить ваш взгляд не на латинскую западную Европу, а на ее восточную часть, исповедующую христианство другого, константинопольского образца. Эта лекция будет посвящена историографии Восточно-Римской империи, более известной под именем Византийской империи, а также исторической традиции Киевской, а затем Московской Руси.

Значимость и особенность византийской историографии обусловлены двумя факторами. Во-первых, Византия в большей мере, чем любое из современных ей политических и культурных сообществ, являлась наследницей и продолжательницей традиции античного историописания. С другой стороны, Византия, испытав христианизацию, породила собственную традицию религиозно-теологической истории.

Первая, античная, воспринимала историю как поле деятельности людей, поэтому стремилась дать рациональное прочтение событиям. Она продолжала руководствоваться нравственными идеалами греческой и римской культур – мудрости, гражданского долга и доблести. Вторая традиция – христианская – истолковывала события с точки зрения их положения в Божественном плане. Античным идеалам она противопоставляла христианскую модель религиозного подвижничества.

Эти две традиции – античная и христианская – сосуществовали, фокусируясь каждая на своей «интеллектуальной вотчине», иногда переплетаясь и создавая тем самым примеры синтетического восприятия истории, а иногда и подминая или выталкивая другую традицию из культурного пространства как несоответствующую идеалам и устремлениям общества.

Представляя глубоко традиционное общество, в некоторой степени даже изолированное, убежденное в собственном превосходстве, Византия оказала сильное влияние на латинскую Европу, ислам и, конечно же, на страны «Византийского сообщества», страны, принявшие христианство от Византии.

Историки подразделяют более чем тысячелетнее существование Византийской империи на три больших периода. Первый период, начавшийся с переноса императором Константином столицы в древний греческий город Византий в начале IV века нашей эры. Этот период закончился кризисом середины VII века. Вторым периодом, связанным с деятельностью императоров Исаурийской и Македонской династий, был периодом расцвета империи. Он закончился в начале XIII века захватом Константинополя крестоносцами. Третьим периодом, продолжавшимся до середины XV века, завершается история Византии.

Эта периодизация отразилась и на развитии византийской историографии.

Первый период – это период преобразования античной культуры в византийскую. В одной из прошлых лекций мы уже упоминали Аммиана Марцеллина, римского историка IV века. Его можно назвать как последним историком античности, так и первым византийским историком. Живший во времена правления императора Юстиниана I, Прокопий Кесарийский уже является византийским историком в полном смысле этого слова.

Марцеллин и Прокопий связаны преемственностью исторического восприятия. И тот, и другой уделяют исключительное внимание светским и политическим событиям. В сочинениях язычника Марцеллина и христианина Прокопия не чувствуется влияния христианской теологической истории. Их стиль соединяет моральную риторику с дидактическим пафосом исторических сочинений античности. Оба историка возводят фигуру Империи в качестве главного персонажа истории.

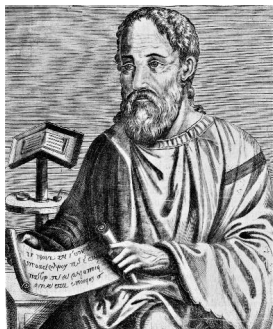

Прокопий, безусловно, является крупнейшим историком ранней Византии. Его работы, работы человека, хорошо знавшего подоплеку византийском политики, посвящены периоду правления императора Юстиниана. При этом две работы, «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами» (553 г.) и «О постройках Юстиниана», выдержанны в хвалебном ключе. Его главный труд, «Тайная история», являет собой противоположность официальным работам. Историк подвергает уничтожающей критике и резкому моральному осуждению Юстиниана и его окружение.

«Тайная история», известная современникам, но обнаруженная лишь в XVII веке, представляет пессимистическую картину упадка и разложения византийском элиты. Как и свои предшественники, Прокопий обращается к идеализированному им прошлому и ценностям, на которых зиждилось величие империи, и тем самым подчеркивает контраст с настоящим. Для Прокопия нет значительного различия

между его оценкой моральных качеств императора и характеристикой политического состояния империи в целом. Его труд вписывается в античную традицию историописания.

Наряду с Прокопием, следует упомянуть и младших его современников – историка и поэта Агафия Миринейского и Феофилакта Симокатта. Оба были связаны с кругами провинциальной аристократии, оба получили блестящее образование, оба были связаны своей профессиональной деятельностью с политической и интеллектуальной элитой Константинополя. Их работы отражают приверженность к рационалистической традиции античности. Поиск смысла событий, современниками которых они являлись, происходит исключительно в сфере земных явлений. Историки отказываются выводить сверхъестественные силы в качестве действующих фигур в своем повествовании.

Наряду с исходящей из античной традиции светской истории в ранней Византии возникает церковная, религиозная история. Центральной фигурой христианской историографии был живший в эпоху императора Константина Евсевий Кесарийский. Его «Церковная история» стала первым опытом написания истории христианской церкви.

Равно как и Августин на западе двумя веками спустя, Евсевий воспринимает историю как движение от Творения к Страшному суду. Для Евсевия история – это процесс совершенствования человечества. Христиане не просто живут в ожидании конца времен, но создают основанный на христианских принципах земной образ божественного порядка.

Евсевий видит строительство как результат «симфонии», сотрудничества церкви с государством. Видение империи как краеугольного элемента в хронике спасения станет идеологическим остовом доктрины, известной как Цезаропапизм. Вопрос главенства духовной власти над светской, сыгравший такую роль в западноевропейской истории, в Византии не проявился так благодаря той функции, коей империя оказалась наделена ранними христианским идеологами, подобными Евсевию.

Труд Евсевия является не только началом церковной истории, он также послужил толчком к развитию жанров всемирной хроники. Как и на латинском Западе, жанр основывался на представлении об истории человечества как целостном и универсальном процессе, начавшемся с момента Творения, центральным событием которого было воплощение Бога и принятие христианства народами. Хроники, часто представляя из себя механическое объединение всевозможных летописей, служили также и в качестве просветительских «дайджестов», призванных донести до читателя как основы христианской религии, так и набор определенных исторических сведений. Среди хроник особое место по популярности занимает написанный в середине VI века «Хронограф» Иоанна Малалы.

Дальнейшее развитие жанра всемирно-исторической хроники приходится на второй период Византийской истории. По мере того как центры написания истории смещаются с городских ученых сообществ в церковную и монашескую среду, мы наблюдаем отход от античных моделей. Историки фокусируются на церковных событиях, усматривая в них главную фабулу мировой исторической драмы. Вместе с этим они отходят и от рациональных объяснений; в повествованиях используются как легенды, баснословные рассказы, так и достоверные сведения.

С воцарением Македонской династии в конце IX века в Византии снова возрождается традиция античной образованности и интеллектуальной культуры. В этот период – именуемый Македонским ренессансом – наблюдаются попытки создания синтетической модели историописания, модели, соединяющей элементы античного мировоззрения с идеологией христианства. Написанный патриархом Фотием «Мириобиблион» («Тысячикнижие»), представляющий из себя синопсис античных произведений и произведений христианских авторов, отражает это устремление к синтезу. Энциклопедические работы императора Константина Багрянородного также вписываются в новую тенденцию.

Важнейшими трудами этого периода стали произведения историко-мемуарного характера. Это, во-первых, написанная в конце XI века «Хронография» Михаила Пселла, посвященная периоду с воцарения императора Василия II Болгаробойца вплоть до настоящего Пселлу момента. Другой работой подобного характера является «Алексиада», написанная дочерью императора Алексея Комнина Анной Комниной и посвященная годам правления ее отца.

Третий период, начавшийся с восстановления империи в 1265 году, не породил новых оригинальных явлений. Две традиции, светская и церковная, существуют достаточно обособленно. Важно заметить, что именно в этот период усиливаются связи византийских интеллектуалов с итальянским ученым

сообществом. Как прямые наследники античной традиции, византийские авторы оказали существенный вклад в становление культуры Возрождения.

Частью византийского культурного сообщества являлась Древняя Русь. Основным историческим жанром вплоть до середины XVI века были летописи. Имели хождения и переведенные на церковнославянский византийские «Хронографы». К историческим сочинениям могут быть причислены и жития святых, сказания о битвах и князьях.

Появление летописей связано с приходом письменности и становлением небольшой, но значимой литературной прослойки.

Необходимо обратить внимание на ряд особенностей русских летописей.

Летописи были, во-первых, крайне неоднородными как по жанру, стилю письма, так и по их содержанию. Они могли включать в себя сведения о климатических изменениях, происшествиях узко локального масштаба и событиях, касающихся всех русских земель. Эта неоднородность обуславливалась тем, что летописи велись «компилятивно». Разные летописцы дополняли уже существующие летописи, создавая «летописные своды». Каждый из авторов мог вносить свои изменения в существующие тексты, мог сокращать материалы, разворачивать сведения в пространные дискуссии, вовлекая другие тексты или устные предания.

Но переделки ранних произведений, весьма значительные и даже тенденциозные, не выходили за рамки признания абсолютного авторитета традиции и не претендовали на создание отдельного сочинения, особого по своей тематике и взгляду на прошлое. Модель авторского сочинения с отдельным «авторским взглядом» не получила распространения на Руси. Древнерусский летописец оставался безымянным продолжателем своих безымянных предшественников.

Неоднородность летописных сводов объясняется их многофункциональностью. Между историей как записью о прошлом и иными типами литературной продукции не делалось различия. С одной стороны, летописные тексты преследовали цель создания правдивого рассказа о прошлом. С другой стороны, они предоставляли нравоучения, поэтому функционировали как тексты морального и дидактического характера.

В летописных сводах история представлена в провиденциалистском свете – как движение от Творения к Страшному суду. Уже с первой летописи, известной как «Повесть Временных лет», в практику историописания вошло предварение повествования о реальных событиях кратким изложением библейской истории. Таким образом, история собственно русских земель рассматривалась как часть изложенной в Библии Священной истории. Главная драма состояла в противостоянии богоизбранного народа отвергнутым богом народам. «Народ русский» отождествлялся с избранным народом. Интересно заметить в этой связи, что события, происходящие на Руси и описанные в летописях, уподоблялись событиям библейской истории. Буквальное сходство с ними и придавало происшествиям их сакральный смысл.

Особенности русской летописной традиции поднимают вопросы относительно их происхождения, природы и функции. Несмотря на присутствие византийских сочинений, из которых летописи черпали многие сведения, навряд ли их можно считать продолжением византийской традиции. Скорее их корни надо искать в местной письменной традиции. Их поиски привели к появлению гипотезы об изначальном повествовательном ядре, однако даже эта гипотеза не объясняет механизмов формирования летописания как формы фиксации памяти.

Исследователи русского летописания выделяют три периода. Первый период – это период, связанный с составлением «Повести временных лет» в Киеве. Киев и деяния киевских князей находятся в центре внимания.

Второй период, начавшийся во второй половине XII века, – это период появления связанного с отдельными городами местного летописания. Важно заметить, что несмотря на появление местной специфики все летописи сохраняли характер общерусского летописания.

Третий период связан с смещением политического центра тяжести в Москву и с той ролью, что московским князьям выпало сыграть в «собрании русских земель». Московское летописание превратилось в официальное повествование о русской истории.

Принципиальными историографическими сочинениями этого периода являются созданные при Иване Грозном «Лицевой свод» и «Степенная книга». Вобрав в себя важнейшие из бытовавших на Руси переводных книг и соединив их с материалами русских летописей, многотомный «Лицевой свод» подвел черту под историей общерусского летописания, которое уступило место хронографам и продолжило

Книга: История исторического знания

Лекция: Византия и Русь

существование в форме местного провинциального летописания.

В дальнейшем у нас появится возможность поговорить об историографии петровской и постпетровской России.

В следующей же лекции мы перейдем к обсуждению процессов, положивших начало Новому Времени и связанных с ним новых историографических практиках.